

«Нефранцузская» философия сознания во Франции

Александр Феодосиевич Грязнов, памяти которого посвящена эта и по счету третья конференция по философии сознания на философском факультете, отмечал конвергентную тенденцию развития аналитической философии. В частности он указывал на тот факт, что это развитие подталкивает американскую философию формулировать новые для нее проблемы, а европейскую, прежде всего французскую, — работать с новым для нее материалом. В этом смысле обзор аналитической философии во Франции представляет собой прежде всего попытку обнаружить специфику включения в философию двадцать первого века одну из основных традиций века двадцатого, которая пришла во Францию извне и до сих пор воспринимается многими по определению как «нефранцузская». Аналитический подход пробивает себе путь во французской философии достаточно активно, при этом постепенно смещаются исследовательские акценты в традиционных сферах философского поиска во Франции, ориентированных на феноменологию или структурализм, включая все деструктуралистские и постструктуралистские вариации.

Эпицентром философской работы во Франции всегда была проблема смысла. Более того, опыт рассмотрения этой проблемы в мировой философии во многом методологически обусловлен картезианской традицией аподиктического рассмотрения смысла, когда понятие определяется в процессе рассуждения об определении понятия. Это во многом объединяет два полюса исследования смысла: феноменологию и аналитическую философию, т.е. исследования смысла с точки зрения пережитого или с точки зрения условий истинности. Французский структурализм в этой истории поставил задачу критического рассмотрения возможностей позитивного знания в отношении символических практик: языка, культур, искусств и т.д. Говоря образно, он стремится сформулировать специфический подход к смыслу как эффекту, неопределенности в ее непрерывной самореференции и вырисовывает философский проект как своеобразный бриколаж. Этот содержательный «французский багаж» философии, а также традиционная политическая ангажированность французской философии — своего рода наследие, которое приняли ведущие французские философы, занимающиеся проблемой сознания. И, несмотря на многообразие направлений исследований, это позволяет выделить общий «французский» контекст проблемы сознания — ее «натурализацию», то есть внимание прежде всего вопросу о природе смысла.

В качестве наглядной иллюстрации этой особенности национальной философии следует обозначить интересы философов, которые воспринимаются во Франции как представители аналитической философии. Жан-Клод Милнер (официально — «последователь идей генеративной грамматики Ноама Хомского») разрабатывает прежде всего лингвистические аспекты синтаксиса, историю лингвистики. Этому посвящены теперь уже классические его труды «От синтаксиса к интерпретации» (1978), «Порядки и основания языка» (1982), «Введение в науку о языке» (1989). Однако предлагаемые идеи существенно изменяют исходную посылку: Ж.-К. Милнер не признает значимости эмпирических исследований в рамках теории репрезентации для понимания сущности языка и провозглашает лингвистическую автономию, методологически отсылающую к пониманию языка Жака Лакана. Знаки сами по себе не являются физическими объектами, как молекулы или кристаллы. Исследование употребления знаков тоже не дает представления о появлении смысла, так как смысл

не может появиться после физической индивидуации материальной реальности, если только мы не имеем дела с уже употребленными знаками. Смысл, наоборот, способствует индивидуализации и идентификации знаков. Первая задача науки о символических системах состоит, по мнению Ж.К. Милнера, в том, чтобы выстроить ее механизмы. В отличие от структурализма, упрощающего этот механизм, задача современной французской философии, по мысли Ж.-К. Милнера, состоит в том, чтобы по-новому поставить проблему основания языкового сознания. В целом ряде работ, начиная с работы «Любовь к языку» (1978) и заканчивая одной из последних — «Путешествие вокруг структуры» (2002), речь идет об объясняющей аргументационные основания и само поведение матрицы как бесконечной и открытой возможности процедур языка.

На основании этой идеи Ж.-К. Милнер экстраполирует объяснительные схемы и на социальные и политические проблемы. Они отражены в изданиях «О школе» (1984), «Археология провала: 1950—1993» (1993), «Криминальные угрозы демократической Европы» (2003), а также в журнале «Тетради к анализу», которые он издает с 1966 года совместно с Ж.-А. Миллером, Ф. Рейно и А. Гроришаром. Здесь не только объясняется механизм перехода состояния сознания от бесконечного вопрошания о полезности какого-то утверждения к радикальному «левацкому» отказу от какого-то утверждения как бесполезного, не только противопоставляется традиционной «экспертной» легитимации легитимация «любительская» — от «любви к языку». Ж.-К. Милнер провозглашает в духе Р. Декарта, который писал о необходимости этического приложения метода, этическую программу «суда над языком, противным истине».

Идеал Просвещения и рациональности оказывается основанием для многих философов принять и трансформировать идеи англо-саксонской традиции. В этом ряду первый — Жак Бувресс, оказавший влияние на целое поколение современных французских мыслителей в духе аналитической традиции. Начиная с работ-памфлетов «Миф внутреннего» (1976), посвященной Витгенштейну, «Рациональность и цинизм» (1985), посвященной критике современных тенденций в философии, Ж. Бувресс выступает против идей языка без субъекта, текстологических машин, обезличенной власти и т.д. Философия, как об этом писал Витгенштейн, должна взять на себя труд исследования употребления языка как языковых игр, а значит, должна взять на себя смелость отказаться от претензии решить проблемы основания и легитимности. Ничто само по себе, как считает Ж. Бувресс, не является ни знаком, ни языком, ни мыслью, но все может им стать при некотором употреблении. А смысл является употреблением. Смысл возникает по мере схождения наших культурных практик, то есть он возникает как некий практический консенсус. Сам Ж. Бувресс вот уже на протяжении десятилетий реализует проект «Эссе», где каждый год представляются идеи-размышления философа.

Так же демонстративно разрывает с «семиологией смысла» и переходит на витгенштейновские позиции «грамматики» Винсент Декомб в работе «Грамматика объектов разного рода» (1983). Эту идею влияния легитимизированной символической системы на смыслы он развивает, например, в работе «Институты смысла» (1996) и экстраполирует ее на понимание субъектности в работе «Состав субъекта» (2004), отчасти возвращаясь к своим ранним исследованиям, например, в работе «Бессознательное вопреки самому себе» (1977), о логической структуре бессознательного как логике тайного, которая позволяет, к примеру, вытесненному в бессознательное быть представленным в языке.

Попытаемся дополнить тематические направления французских исследований, развивающие идеи национальной философии. В первую очередь — когнитивная проблематика исследований. Отдавая долг памяти ушедшему в ноябре Клоду Леви-

Строссу, мы должны определить это направление как специфическое обновление его проекта науки о человеческом духе. Так, например, один из ведущих специалистов в мире в области так называемых когнитивных наук, Дан Спербер, в своих работах, начиная с классических — «Символизм сегодня» (1974) и «Релевантность: коммуникация и восприятие» (1989), сформулировал новый подход, сместив акцент с идеи «символической функции» на идею «функционирующего сознания». А это значит, что независимо от того, что культурные практики носят символический характер, речь должна идти прежде всего о ментальных операциях, посредством которых транслируется собственно культурное содержание (сказки, мифы, верования и ритуалы). И, соответственно, вместо традиционной проблемы обозначения на первый план вышла проблема репрезентации — необходимо условие конвергенции, если хотите, мозговой конвергенции.

Соответственно, возникает и иная картина мира, причудливо соединяющая феноменологические, в духе классической гуссерлевской трансцендентальной феноменологии, и постструктуралистские идеи. Например, у Пьера Кадьо и Ив-Мари Визетти в работе «О теории семантических форм» (2001) основанием смысла слов называется фактор структурирования нашего опыта и хаотичная «гераклитовская» и одновременно вполне научная семантика. Тем не менее, она выстраивается исследователем по традиционным научным основаниям описания. В основе такого поисания должна быть речь как конфигурация нашего восприятия мира, а не как манипуляция символами.

Эта идея созвучна исследованиям Жана Петито, которая отражена в работе «Катастрофы речи» (1985). Мы, по мысли Ж. Петито, в процессе непрерывной взаимосотнесенности конечности физических знаков человеческого языка, а точнее языков, и бесконечности фоном, которые следует понимать как конкретные артикуляции, или даже шире — реализации символических систем. Возникающий смысл образует эффект перцептивной индивидуации.

Можно выделить «коммуникативное» направление развития исследования смысла. Во многом благодаря ему появляется специфическая терминология, как, например, вынесенная в название работы Жана-Мишеля Салански «Смысл и философия смысла». Знаменитое гуссерлевское «движение к сущности вещей» анализируется как процедура адресного выделения «смысла для-нас». Мы можем дополнить эту картину хайдеггеровским истолкованием феноменологии Франсуа Растье, более характерным, как ни парадоксально, в целом для современной французской мысли. Ф. Растье уже в своей работе «Интерпретативная семантика» (1987) писал о смысле как эффекте встречи со знаками текста, позволяющей выстраивать интерпретацию смысла. Смысл, таким образом, принадлежит не единицам языка, словам или предложениям, а моменту интерпретации.

Несомненным авторитетом во Франции в области философии интерпретации является Поль Рикер. Исследование горизонтов феноменологии «Зла», «вольного и невольного», и «вины», герменевтическое рассмотрение мифа и поэзии как «живой метафоры», изучение различных форм производства смысла во «времени и рассказе», парадокс «любви и справедливости», обращение к «самому себе как Другому», задача «мыслить Библию» — вот краткая и далеко неполная картина тем и концепций П.Рикера. Внимательный к слову Других, мысли Других, философии Других, П. Рикер сформулировал, осмыслил и реализовал свой метод философского творчества: рассказывая или создавая метафоры, то есть интерпретируя различными возможными способами, мы производим новые смыслы. А эта «семантическая инновация», по ту сторону логики и контроля над словами, и есть наше «историчное бытие в мире посредством языка».

Вписанные таким образом в традиционный контекст французского философствования самые смелые аналитические работы французских философов оказы-

ваются неожиданно для них самих чрезвычайно успешными. Один из последних примеров тому — это удивительно теплый прием французской версии аналитической «реставрации метафизики» Фредерика Нефа «Что такое метафизика?» (2004). Ф. Нэф занимается достаточно техническими проблемами. В работе 1998 года «Какой бы то ни было объект» он рассматривает объект с точки зрения модальной логики, анализа тропов. С этими познаниями он и связывает будущее метафизики. Вместе с тем абстрактные переменные он описывает в новой своей работе «Свойства вещей» (2006).

Следует уточнить, что специфический призыв «вернуться к метафизике», а точнее во французском варианте — «делать метафизику», воспринимается во Франции не столько как наследование идеалам научной философии логического позитивизма, который, к слову, исторически был одним из столпов антиметафизической программы двадцатого века, — сколько как возможность создавать нечто новое, утверждать нечто «позитивное», без оглядки на «универсальное» и «тотальное», как, например, об этом пишет один из молодых французских аналитиков Квентин Мейасу в своей работе «После окончательности» (2006). Дополнительным аргументом в пользу метафизических исследований становится тот же аргумент «конца идеологий», который мы видим у «традиционных постмодернистов». Как, например, у Алана Бадью, Жана-Люка Нанси или Филиппа Лаку-Лабарта. Намечается серьезное переосмысление во Франции неоднородности философского движения постструктурализма. Основанием такого переосмысления во многом можно считать влияние аналитической философии: и терминологическое историко-философское, и содержательное. Неожиданно, но в последнее время мы все чаще встречаем во французских журналах и философских работах американское обозначение французского постструктурализма — French Theory. Многие работы последних лет этого направления, опирающиеся в большей степени на идеи Ж. Делеза, чем, например, на идеи Ж. Деррида, обращаются к проблемам онтологии. Для французской философии в целом это решение смысловой проблемы. А именно: что такое философия, какой она должна быть, что изменилось в философии в новом двадцатом веке.

Разумеется, постструктуралистское изложение аргумента в пользу онтологии соответствует тому, что мы обозначаем как настроение «постмодерна»: возвращение к исходному софийному предназначению философии, множественному и иерархизированному. Но конкретное понимание того, что оказывается прескриптивным и универсальным, а что — дескриптивным и самоценным, — изменилось. Так, например, А. Бадью в работе «Логика миров» (2006), а затем во «Втором манифесте философии» (2009) пишет об опасности медиатизации, социализации и этизации философии. В этом своем новом качестве универсального и доступного прикладного объяснения прав человека философия становится консервативной служанкой существующей повседневности выживания. Спасение философии состоит в обращении к Идее. Философия, по мысли А. Бадью, должна снова стать наукой о мысли, которая строится на чувственных качествах мира, чтобы представить его интеллигибельным, тем, что отличает человеческое мышление от дикости. Именно так звучит французское понимание значения проблемы сознания.